

УДК 82.0

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Статья первая

Нина Васильевна Гашева

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. gasheva09@yandex.ru

Борис Вадимович Кондаков

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. kondakov@psu.ru

Излагаются рефлексии по поводу методологических и методических подходов к анализу произведений словесного искусства в литературоведении и критике 1990–2000-х гг. Анализируются возможности историко-типологического, структурно-семиотического и историко-функционального методов, формулируются требования к современным исследовательским стратегиям. Авторы статьи считают наиболее уязвимыми исследования индивидуальных особенностей творчества писателей и предлагают некоторые способы выхода из современного методологического кризиса. Статья открывает задуманный авторами цикл работ по проблемам методологии современного литературоведения.

Ключевые слова: исследовательская стратегия; методология; литературоведение; литературный процесс; постструктурализм.

Развитие литературоведения как гуманитарной науки тесно связано с эволюцией *исследовательских стратегий*, используемых учеными для описания литературного процесса и анализа текстов художественных произведений.

Под исследовательской стратегией в литературоведении в данном случае мы будем понимать систему, в которую включаются следующие компоненты: 1) наличие некоторого количества исследовательских целей; 2) набор стандартных или оригинальных алгоритмов и правил, используемых исследователями для интерпретации художественных текстов; 3) утверждение системы приоритетов и правил выбора целей; 4) использование системы приоритетов методологических принципов, необходимых для интерпретации событий литературного процесса; 5) наличие механизмов количественного и качественного оценивания результатов реализации избранной стратегии¹.

Исследовательская стратегия – более широкое понятие, чем «научная методология». Исследовательская стратегия предполагает использование нескольких разных методов и совокупности различных приемов. В исследовательских стратегиях избранные научные методы и частные

методики соединяются с определенными целями, выдвигаемыми литературоведом или критиком, и особенностями изучаемых объектов (конкретных художественных или критических текстов, отдельных периодов развития той или иной национальной литературы).

Формирование исследовательских стратегий в первую очередь определяется используемыми научными *методами*. Развитие методов литературоведения связано с развитием научных гуманитарных школ и соответствующих им в рамках определенных методологий терминологических систем. Методы, применяемые в гуманитарном знании, представляют собой результаты обобщения и теоретического осмысления различных явлений культуры.

В соответствии с этими принципами под *методом литературоведения* будем подразумевать систему принципов исследования как отдельных художественных произведений, так и литературного процесса в целом (или отдельного периода развития литературы), позволяющую выявить способы образного воспроизведения жизни (т. е. создания, сотворения *художественного мира*), логику развития системы жанров, литературных направлений, течений и т. п.

Литературоведческая методология связана с уровнем понимания и полнотой описания литературного процесса во всем его многообразии, и, поскольку ее цель – способствовать осмысленному объяснению новых художественных явлений, постольку она должна постоянно изменяться. Любая литературоведческая школа, использующая определенные теоретические посылки и опирающаяся на литературу своего времени, неизбежно обнаруживает собственную ограниченность (художественная практика всегда опережает теорию), что дает стимул к возникновению новых методологических подходов и, соответственно, развитию исследовательских стратегий.

На протяжении последних пятидесяти лет российское литературоведение неоднократно меняло свои методологические ориентиры.

Основные достижения литературоведения 1960–1980-х гг. были связаны с использованием **историко-типологического метода** (часто называемого просто «типологическим»), возникшего в период завершения так называемой «хрущевской оттепели», после продолжительного периода преобладания социологических и конкретных биографических исследований (называемых «диалектико-материалистическими», или «марксистско-ленинскими»).

Обращение к историко-типологическому методу стало большим прорывом в развитии литературоведения. Для адекватного осмысления огромного количества фактов истории литературы XIX – XX вв. требовалось выявить закономерности историко-литературного процесса, осмыслить в рамках определенной системы индивидуально-стилевые особенности творчества отдельных писателей. Этот метод позволял органично использовать некоторые методологические подходы, разрабатывавшиеся школами российского академического литературоведения середины XIX – начала XX в., – сравнительно-исторической («компаративистской»), культурно-исторической, психологической.

При всех неоспоримых достоинствах *историко-типологический метод*, как и любой другой, имел свои недостатки (точнее, ограничения, накладываемые характером научных задач и используемыми методиками). К их числу можно отнести то, что он *по своей природе* был предназначен для рассмотрения *масштабных* (наблюдающихся в течение нескольких десятилетий или даже столетий) процессов. Метод позволял достоверно описывать историко-литературные *эпохи*, продолжительные *этапы*, но в меньшей мере подходил для изучения сравнительно непродолжительных *периодов*, длившихся в течение одного – двух десятилетий, на протяжении которых

существенные эволюционные процессы не обнаруживались. Типологический метод в большей степени помогал выделять отдельные *периоды* развития литературы, но не сами *процессы*, протекающие в их хронологических границах, т. е. «вертикальные» («диахронические»), а не «горизонтальные» («синхронистические») срезы. На это были рассчитаны и термины, использовавшиеся в понятийном аппарате историко-типологических работ («метод», «художественная система», «тип творчества», «идейное» или «стилевое» течение, литературное «направление», «жанр» и др.).

Другой недостаток историко-типологического метода был связан с существовавшими представлениями об «отражательной» специфике литературы (литература и искусство интерпретировались как «отражение» действительности). Это положение является верным лишь частично: искусство *соотнесено* с тем, что называется «действительностью», однако не исчерпывается ею. Искусство *похоже* на реальность (и может в отдельных ситуациях компенсировать ее), но, тем не менее, не есть *та* реальность, в которой находится «бытовой» человек. Любое *настоящее* произведение искусства создает свой *особый художественный мир*, в котором человек может находиться лишь *частично и временно*, в момент эстетического переживания, вызванного восприятием произведения искусства. Именно то, что мир произведения искусства – это особая *художественная* реальность, и не учитывалось исследовательскими стратегиями, связанными с культурно-историческим и историко-типологическим методами.

Укажем на еще один недостаток типологических исследований литературного процесса, предпринимавшихся в 1960–1970-е гг., – их *европоцентризм*. Система понятий и процедура анализа оказывались приспособленными к выявлению в литературном процессе этапов, жанров, методов, стилей, представленных по преимуществу в литературе Западной Европы (отсюда регулярные попытки найти в восточной или в русской литературе черты итальянского Возрождения).

Недостатки историко-типологического метода ощущались российскими литературоведами уже в 1960–1970-е гг. К концу 1980-х гг. потенциал историко-типологического метода, доминировавшего в литературоведении начиная с середины 1960-х гг., в значительной мере оказался исчерпан. Понимание этого вызвало стремление обосновать новые литературоведческие методы. В первую очередь следует назвать **структурно-семиотический метод**, разрабатывавшийся

Ю.М.Лотманом [Лотман 1970] и другими представителями тартусско-московской школы (например, Б.А.Успенским [Успенский 1994], В.Н.Топоровым [Топоров 2009]), согласно принципам которого акцент делался на изучение системы, существующей в самом художественном тексте. Развитие методологии структурного анализа в значительной степени ограничивалось идеологической цензурой, поэтому последователи этого метода смогли описать русскую литературу XIX в. только фрагментарно.

На протяжении 1980-х гг. структурно-семиотический метод развивался (например, в исследованиях самого Ю.М.Лотмана) в направлении углубления исследования связей художественного текста с различными историко-культурными контекстами (по сути становясь при этом методом *культурно-контекстуальным*).

Ю.М.Лотман одним из первых увидел невозможность использования сугубо структуралистского подхода к литературным текстам и заявил о необходимости рассматривать художественный образ как особый знак, требующий для его исследования особого индивидуального исследовательского инструментария. Он поставил проблему выявления особенностей текста произведения искусства как вторичной знаковой системы и проблему пересемантизации текста [Лотман 1970: 120–250].

В конце 1970-х гг. в российском литературоведении сформировался *историко-функциональный метод* (в настоящее время чаще называемый *герменевтическим* методом). Некоторые основные положения этого метода были сформулированы в рамках психологической школы Н.А.Рубакиным еще в 1920-е гг. [Рубакин 1977], Р.Якобсоном и П.Богатыревым [Богатырев 2006], однако только в 1970-е гг. историко-функциональные исследования стали входить в практику литературоведения.

Историко-типологический и историко-функциональный методы в значительной степени *дополняли* друг друга: при помощи первого можно было *объяснить*, как действительность обуславливает появление произведения и как она «отражается» в нем; второй позволял проследить связи между произведением и последующими периодами развития литературы, определить *характер* его *воздействия* на читателя и, наоборот, воздействия ценностно-смысловой позиции читателя на интерпретацию. Историко-типологический метод был эффективен при изучении *литературных направлений, течений, жанров*; он мог быть применен как к *классике*, так и к «рядовым» произведениям искусства. Ис-

торико-функциональный метод использовался преимущественно по отношению к «классическим» произведениям, порождающим большое количество разнообразных интерпретаций.

Возможности применения историко-функционального метода ограничивались отсутствием достаточно достоверных социологических данных, которые могли бы стать базой для обоснованных научных выводов, что приводило к *иллюстративности* исследований и к унификации их результатов. Даже в лучших литературоведческих работах обычно не ставился вопрос об историко-культурных *причинах* возникновения интерпретаций, об особенностях их взаимодействия с *поэтикой направлений*, о существовании типологической общности трактовок, о принципах разграничения «правильных» (т. е. адекватных художественному тексту и замыслу писателя) и «неправильных» (т. е. предполагающих полемичное отступление от существующей традиции и от писательского замысла) интерпретаций. Поэтому историко-функциональный метод, как и метод историко-типологический, не способствовал разрешению ряда актуальных методологических проблем, вставших перед литературоведением в конце 1980-х гг.

Вполне закономерными представляется и характерное для литературоведения 1970-х гг. обращение к методологическим концепциям конца XIX – первой половины XX в., например, к идеям компаративистики и «исторической поэтики» А.Н.Веселовского [Веселовский 1940], а также к индивидуальным методологическим системам, разработанным в теоретических трудах Ю.Н.Тынянова [Тынянов 1977], В.М.Жирмунского [Жирмунский 1925], М.М.Бахтина [Бахтин 1975] и др.

Методологический кризис обострился в начале 1990-х гг., когда вследствие разрушения советского режима возникла необходимость коренной переоценки как самого художественного наследия русской литературы (в первую очередь произведений, создававшихся в конце XIX в. и на протяжении первой половины XX в.), так и господствовавших в советский период методологических принципов ее описания, т. е. ученые нуждались в создании и отработке нового механизма оценки результатов использования определенной исследовательской стратегии.

Назовем некоторые наиболее важные *методологические проблемы* литературоведения, решение которых в конце XX в. стало актуальным для изучения русской литературы.

Во-первых, необходимо было выявить многочисленные связи литературы с иными формами духовной деятельности человека (например, с

философской мыслью, религией, другими видами искусства) и способы адекватного исследования этих отношений. В связи с этим многие из возникавших методологических проблем (в частности, находившихся на стыке литературы и культуры) не могли быть решены в рамках существовавших *филологических* методов.

Во-вторых, требовался пересмотр ряда важнейших теоретических и методологических проблем (о природе искусства, о принципах типологии историко-литературного процесса и системе используемых для этой цели понятий, о специфике «переходности» произведений искусства в «кризисные» периоды и нек. др.).

В-третьих, назрела необходимость модификации взглядов на национальный историко-литературный процесс в его отношениях с мировым историко-культурным процессом (представлений об этапах развития, о «границах художественности»), включив в него литературу русской эмиграции, «потаенную» русскую литературу, связанную с так называемыми белыми пятнами истории и т.д.

В-четвертых, сформировалась потребность в корректировке представлений о том, что в культуре и литературе является «центром» (в ценностном смысле), а что – «периферией», что «вечно современной» классикой, а что – произведением-«памятником», принадлежащим определенной эпохе, символизирующим определенные явления прошлого, и в связи с этим – системы художественных ценностей и оценок.

На ситуацию в литературоведении рассматриваемого периода в значительной мере влиял тот факт, что стал меняться тип литературного процесса (отход от доминировавших ранее реалистических принципов, формирование системы разнообразных литературных направлений, объединений писателей, «школ», идейных группировок). Изменился и характер самой литературы: в искусстве 1900–2000-х гг. значительное место стали занимать постмодернистские произведения, которые в принципе не могли быть адекватно описаны в терминах историко-типологического и герменевтического методов.

Литературоведческая практика рассмотрения литературных произведений в широком историко-культурном контексте (в контексте религии или всей культуры; в контексте развития искусства и т. п.), сложившаяся в конце 1980 – 1990-х гг., способствовала использованию интегративных, комплексных подходов к анализу художественного текста. Такие подходы связаны с пониманием феномена художественной литературы как «человековедения», синтетически объединяющего научное знание и эмоционально-

чувственное воспроизведение действительности, объясняемое эстетической природой художественного образа.

Долгое время развитию российской литературоведческой мысли мешали идеологические соображения, отрицание ряда достижений литературоведения – как отечественного, так и западного. В 1990-е гг. ученые России наконец смогли открыто подтвердить многие достижения отечественной науки, закрытые ранее умолчаниями, и завоевания западного литературоведения. В литературоведческом сообществе стало формироваться представление о необходимости методологического плюрализма (в противовес господствовавшему в советский период «марксистскому» методологическому монизму), что должно было динамизировать науку о литературе, стимулировать появление новых теоретических и историко-литературных концепций.

Большое влияние на российских литературоведов с конца 1980-х гг. оказывали исследования крупнейших западных структуралистов (Р.Барта [Барт 1989, 2004], Ю.Кристева [Кристева 2004] и др.), теоретические взгляды которых эволюционизировали в направлении постструктурализма, а также философские идеи М.Мерло-Понти (работа «Феноменология восприятия» [Мерло-Понти 1999]) о связи восприятия пространства с его видением и движением (бытие – как бытие в определенных ситуациях). Ярким примером работы, в которой содержится «перевод» традиционных методологических принципов анализа литературного процесса и соответствующей системы понятий на «язык» постструктуралистской критики, является защищенная в Екатеринбурге в 2002 г. докторская диссертация Е.К.Созиной «Динамика художественного сознания в русской прозе 1830–1850-х гг. и стратегия письма классического реализма», отраженная в монографии [Созина 2001].

Публикация трудов представителей западноевропейского и американского постструктурализма, а также книг и статей, предлагающих культурологическое (точнее, культурно-контекстуальное) видение творчества писателей; знакомство с материалами по проблемам мифопоэтики – все это способствовало формированию культурологического подхода к литературе, формированию таких исследовательских стратегий, которые бы способствовали рассмотрению литературы не только в линейных конкретно-исторических параметрах, но и в «большом времени искусства» (М.Бахтин), которые при этом одновременно учитывали бы индивидуальные особенности художественного текста.

Усложнение представлений об историко-литературном процессе обусловило необходимость разработки таких исследовательских стратегий, которые стимулировали бы поиск новых методик анализа художественного текста, теоретическую разработку понятий, которые могли бы использоваться для такого анализа, а также кризис советских научных школ, генетически восходивших к «марксистским» («отражательным») представлениям о литературе, – все эти обстоятельства вроде бы должны были способствовать активизации методологических поисков в литературоведении на рубеже 1990–2000-х гг.

Если говорить конкретнее, то исследовательские стратегии рассматриваемого периода должны были реализовывать следующие *методологические принципы*:

во-первых, создавать такие методики анализа художественных произведений, которые позволили бы *отойти от представления об «отражательной» сущности литературы* и раскрывать специфику художественных явлений, связанных с *нереалистическим типом творчества*;

во-вторых, соотносить методы *литературоведения с методами других искусствоведческих дисциплин* (в противовес преобладавшей в предшествующий период тенденции спецификации методов), раскрывать *взаимодействие историко-культурного и историко-литературного процессов*, конкретного художественного произведения и духовной культуры в целом;

в-третьих, индивидуализировать методы исследования историко-литературного процесса и методики анализа текста художественных произведений (а также соответствующий терминологический аппарат), соотнося их с общими научными целями и задачами, стоящими перед литературоведением, а также с творческой индивидуальностью писателей;

в-четвертых, раскрывать своеобразие каждого периода историко-культурного и историко-литературного развития не столько на основании связей с той или иной «общественно-экономической формацией» и особенностями политической жизни, сколько как результат *самоопределения в духовной культуре и литературе* свойственного ей *типа самосознания* и способа художественного переживания, показывать каждый период развития литературы не только как «идейное» или временное единство, но и как *эпоху*, обладающую внутренней *духовной целостностью*.

Методология современного гуманитарного знания требует смены традиционной научной парадигмы литературоведения: художественное произведение необходимо видеть не только

«вблизи», но и в диахронном разрезе, поскольку только так можно выйти на исследование динамики «духа» в литературе. История транслирует себя в процессе развития сознания сингулярностей, которые в определенных условиях могут обернуться или «ликом зверя», или «социальной ответственностью», рожденной временем и испытаниями.

Можно предположить, что необходимость реализации в исследовательских стратегиях сформулированных выше методологических принципов должна была привести к прорыву в развитии гуманитарных исследований.

Однако, как показала практика литературоведческих исследований, такого методологического прорыва в современном литературоведении не произошло. На это указывает, например, критик С.Чупринин, который, развернув перед читателями сложную разноголосую картину литературно-критических суждений 1990–2000-х гг., приходит к выводу о недостаточной глубине современной исследовательской мысли: «Споры о литературе – это споры о словах» [Чупринин 2004: 140].

Обратимся в практике российского литературоведения и критики в 1990–2000-е гг., чтобы понять, как в исследовательских стратегиях литературоведов реализовались некоторые из названных принципов.

В этом плане прежде всего стоит обратить внимание на наиболее значимые и, как нам представляется, концептуально целостные исследования – работы А.С.Немзера [Немзер 2002, 2003], Н.Б.Ивановой [Иванова 1988], Г.Л.Нефагиной [Нефагина 1998], Н.Л.Лейдермана и М.Н.Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий 2006].

Так, например, Н.Л.Лейдерман и М.Н.Липовецкий (2006) сосредоточились на определении места или иного прозаика в очерченных исследователями параметрах стилевых тенденций, в сложных отношениях тех или иных художников конца XX в. с постмодернистской эстетикой. Г.Л.Нефагина поставила своей целью классификацию творчества отдельных писателей в соответствии с наиболее явными чертами сходства в поэтике их произведений [Нефагина 1998]. Но при этом, как нам представляется, исследователи упустили нечто весьма важное: *анализ художественных образов мира* в произведениях, исходным началом которых является отнюдь не сходство по тем или иным параметрам с другими произведениями, а *индивидуальное своеобразие писателя*, исследуемое через отношения структурных компонентов текста².

Поскольку литературовед находится в силовом поле постоянно меняющихся научных парадигм, с одной стороны – традиционных, а с другой – непрерывно обновляющихся, мы сегодня считаем наиболее приемлемыми в реализуемых ими исследовательских стратегиях корреляционный и трансформирующий подходы.

Отсутствие именно таких подходов может приводить исследователей к ложным представлениям и неверным оценкам. Так, нас удивили некоторые безапелляционные суждения М.Липовецкого [Лейдерман, Липовецкий 2006: 640–641] о «школьности» названия романа В.Маканина «Андеграунд, или герой нашего времени». Нам в этом названии видится не «зряшная» идея, а художественно оправданное целенаправленное сопоставление «лишних людей» в русской литературе разных исторических эпох. В свете такого истолкования авторского замысла нам представляется верной иная трактовка «перспектив» героя Маканина. Окончательно утратив веру в социум, идеалы и культуру, герой романа Петрович становится героем «самотека». Вряд ли он может сопоставляться автором с Печориным по линии «возрастания» типа. Он что-то записывает и что-то наблюдает уже только по инерции: внутренне он весь уже перегорел, и в этом аспекте сопоставим, скорее, с некоторыми героями Ф.Достоевского (жизненная позиция, циничные и горькие умозаключения и т. п.). Поведение героя представляет собой самофарс, надрыв на краю бездны, что исключает возможность каких-либо обнадеживающих перемен.

Наука о литературе в значительной мере до сих пор продолжает пребывать в методологическом вакууме. Правда, несколько основополагающих принципов, действительно выражающих сущностные стороны природы искусства, искусства слова в частности, остаются в сознании и подсознании ученых. И эти принципы имеют именно *методологическое* содержание. Это, прежде всего, представления об «отражательной» природе творческого мышления, выражающейся в создании типических образов; рассмотрение литературы в диахроническом срезе (принцип историзма); выявление внутренних закономерностей, проявляющихся в саморазвитии искусства в форме периодической смены литературных направлений. Все эти методологические принципы помогают плодотворно использовать все те же историко-типологические и системно-типологические подходы. Зачастую именно эти подходы оказываются собственно методологической основой исследования.

Методологическое многообразие современного отечественного литературоведения обуславливает следующую его особенность: включение в оборот научных исследований большого количества новых терминов и понятий. Так, введение в практику методики интертекстуального анализа привело к широкому распространению таких понятий, как интертекст, прототекст, гипертекст, концепт, метапроза, метасюжет и др. (нередко безотносительно к самому методу). В работах, посвященных изучению литературы постмодернизма, используется непривычный для традиционного литературоведения научный инструментарий и система понятий, сложившихся в рамках постструктуралистской методологии (они обстоятельно проанализированы в исследованиях И.П.Ильина [Ильин 1996, 1998]). Нередко новые понятия и термины привносятся в литературоведение из других гуманитарных наук (например, из философии, лингвистики, аналитической психологии). Вместе с тем в таких исследованиях нередко наблюдается отход от многих традиционных понятий, которые были центральными для литературоведения советской эпохи, – таких как «метод», «реализм», «направление», «идея», «идейное содержание», «народность» и т. п.

В связи с этим в современном литературоведении возникает проблема анализа, обоснования и теоретического осмысления новых понятий как целостной системы в ее соотношении с традиционными литературоведческими понятиями, а также определения правил их корректного использования. Предположительно, встанет вопрос и о возможности исключения из литературоведческой практики некоторых указанных выше понятий, что требует объективного и взвешенного обоснования. Для этого необходим теоретический анализ понятийных систем, в которых для каждого «работающего» термина будет отведено определенное место в соответствии с его функциями в изучении литературного процесса.

Различные литературоведческие методологии вырабатывают собственные исследовательские стратегии, нередко единолично претендующие на владение истиной. Претензии той или иной гуманитарной научной школы на обладание безусловным авторитетом (например, деконструктивистской критики Ж.Деррида [Деррида 1998]) могут вызывать сомнения. В отличие от деконструктивистов, стремящихся разложить текст и «подловить» его на внутренней противоречивости, двойственности, мы полагаем, что в настоящее время плодотворнее всего подходить к анализу текста, используя одновременно *несколько* разных научных методик, истолковывая его в

меняющихся, подвижных ракурсах, т. е. активно применять *интегративный* подход.

Понятие *интегративности* в настоящее время широко распространено, однако методология и методика реализации интегративного подхода нередко оказываются противоречивыми и непоследовательными.

В процессе исследования художественного текста для достижения наибольшей эффективности необходимо применять и фиксированные классическим литературоведением модели анализа художественных образов, и принципы «эвристического» анализа текста, использующие категорию «мотив» (мотивный анализ в интерпретации М.Гаспарова [Гаспаров 1997] или Б.Гаспарова [Гаспаров 1994]), и способы описания системы семантических структурных оппозиций текста (в соответствии с практикой Ю.Лотмана), и элементы концепций мифопоэтического анализа (школы Дж.Фрейзера, К.Юнга, Н.Фрая и Р.Арнхейма). Помимо этого мы считаем необходимым обратиться к пограничным с литературоведением методикам, и прежде всего – к философской рефлексии М.Бахтина [Бахтин 1975], к гуссерлевской интенциональности Н.Гартмана [Гартман 2003], к эстетическим опытам, осуществляемым на материале разных видов искусств Р.Арнхеймом [Арнхейм 1994].

В процессе подбора «ключа», открывающего художественный текст, необходимо в первую очередь учитывать тип таланта исследуемого художника, специфику его художественного мира в целом и внутреннего мира художественного текста, так как без этих хорошо известных «банальностей» адекватно раскрыть художественный текст невозможно. Что бы ни говорили деконструктивисты о свободе от авторской интенции, но даже Деррида в ответ на прямой вопрос о роли автора, заданный ему на одной из встреч в Москве, заявил, что Ницше и А.Белый «обиделись» бы, если бы их творения заподозрили в том, что они созданы «вне интенции» [Жак Деррида в Москве... 1993].

Для того чтобы российское литературоведение успешно развивалось и поднялось на качественно более высокий уровень, оно должно опираться на свободную от догм и посторонних задач теорию литературного творчества. Такая теория должна отвечать следующим критериям: 1) создаваться на основе современных общенаучных принципов; 2) быть максимально свободной от внешних (идеологических, религиозных и др.) воздействий; 3) опираться на многообразие литературно-художественной практики; 4) учитывать основные современные литературоведческие подходы к изучению литературы и

соответствующие системы понятий и термины; 5) соответствовать представлениям о современной картине мира и современном типе сознания; 6) содержать новые взгляды и интуиции, способствующие более глубокому и полному постижению словесного искусства. Подобная методология может вооружить литературоведов такими установками, которые позволят интерпретировать, анализировать и объяснять литературные процессы и факты в соответствии с их внутренними законами.

Проблема соотношения в творчестве рационального и эмоционального начал, будучи в своей сущности философской, имеет свой «литературоведческий срез», имплицитно синтетический анализ сугубо литературоведческого объекта – художественной литературы.

Разумеется, в центре внимания литературоведа должен оставаться *человековедческий* аспект текста, поскольку художественный анализ личности человека, его внутренних психических процессов, принципов взаимодействия с внешним миром, что мы видим в произведениях настоящего значимых писателей, выходит за пределы только эстетического измерения, непосредственно включая читателя в мир подлинного сопереживания. В таком подходе реализуется синтезирующее, интегрирующее начало, связанное с необходимостью философского понимания и объяснения природы человека.

Мы убеждены, что именно многоаккурность и многоуровневость исследования одного и того же художественного текста обеспечивает наивысшую степень адекватности его прочтения, точнее сказать, – наибольшего приближения к выражаемой им сущности. Неоспоримым обоснованием такого подхода является сложность, процессуальность и диалогичность художественной реальности («художественного мира» произведения), обладающей известной «магией слова» (П.Флоренский), динамичностью, способностью меняться в историческом бытии и «наращивать» смыслы.

Литературовед может сколько угодно представлять, каким образом взаимодействуют с текстом индивидуальные черты психологии художника, его эстетические взгляды, как «объясняет» его историческая конкретика реальности, как воздействует на поэтику и диалог автора с культурой в целом и с читателем в частности, добываясь «приращения» смысла. Однако если он не видит этих процессов в анализируемом тексте, то он не может и улавливать доминантные основы сопряжений жизненных и воображаемых процессов, понимать способы художественного

обобщения, используемые в тексте, особенности его структуры и творимые им смыслы.

На важность понимания особенностей индивидуального творческого сознания художника указывает современный критик Е.Ермолин, напоминая стержню из сознания многих современных критиков истину: творческий символ сейчас – плод индивидуального ума, индивидуальной связи писателя с живой реальностью, экзистенциальное осознание личностных связей с миром, историческими корнями. Только такой художник обретает способность к трансценденции, преодолевает свой «нарциссизм» [Ермолин 2004: 377–390].

Принимая во внимание эти соображения, мы полагаем, что современному литературоведческому и критическому сознанию необходимы контакты с исследованиями, авторы которых, опираясь на опыт изучения творчества русских классиков – Л.Н.Толстого, Ф.М.Достоевского, И.С.Тургенева, И.А.Гончарова и других, подвели итоги изменениям, происшедшим в русском литературном процессе в 1990–2000-е гг. Это, безусловно, теоретико-методологические размышления С.С.Аверинцева [Аверинцев 2004], Ю.Б.Борева [Борев 2002], С.Г.Бочарова [Бочаров 2007], В.П.Большакова и А.Ю.Большаковой [Большаков, Большакова 2008], В.Е.Хализева [Хализев 2009], С.Н.Бройтмана, В.И.Тюпы, Н.Д.Тамарченко [Теория литературы 2004] и некоторые другие работы. Если бы современная литературоведческая и критическая мысль расширила диапазон своих размышлений, вступив в диалог с теоретико-методологическими и культурологическими исследованиями, то, несомненно, в общей разногласии исследовательских методик, используемых литературоведением и критикой в процессе анализа современного состояния литературного процесса, возникла бы потребность в глубинном погружении в него, что способствовало бы переходу на новый уровень рассмотрения искусства слова в XXI в.

До тех пор, пока таких изменений в практике литературоведения и критики не произошло, не будет исправлен важный методологический просчет современного литературоведения и критики, постоянно спешащих в информационно перенасыщенном мире: неумение остановиться и спокойно взглянуть в индивидуальное творчество писателя, поставить перед собой проблему осмысления художественных образов мира в конкретном индивидуальном творчестве, понять творческие интенции того или иного конкретного текста художника, войти в мир его смыслопорождений, т. е. исследовать внутренние меха-

низмы художественных структур и отношения компонентов художественного текста.

Примечания

¹ См., например: Мельников Ю.Б. Математическое моделирование: структура, алгебра моделей, обучение построению математических моделей. Екатеринбург: Урал. изд-во, 2004. 556 с.

² Подход, соответствующий нашим размышлениям над проблемами индивидуального творчества, был реализован в исследованиях, собранных в книге «Феномен творческой личности в культуре» (М., 2006).

Список литературы

Аверинцев С.С. Метафизическая поэзия как поэзия изумления // Континент. 2004. № 2 (120). С.397–400.

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ.; науч. ред. и вступ. ст. проф. В.П.Шестакова. М.: Прометей, 1994. 352 с.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Л.Г.Бражниковой; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

Барт Р. Империя знаков: [сб. заметок по итогам путешествия по Японии] / пер. с фр. Л.Г.Бражниковой. М.: Праксис, 2004. 144 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М., 1975. 504 с.

Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора: (малоизвестные и неопубл. работы) / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 288 с.

Большаков В.П., Большакова А.Ю. Теория культуры / под ред. С.Н.Иконниковой, В.П.Большакова. СПб.: Питер Пресс, 2008. 592 с.

Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высш. шк., 2002. 511 с.

Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М.: Языки слав. культур, 2007. 656 с.

Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и примеч. В.М.Жирмунского. Л.: Изд-во худож. лит., 1940. 648 с.

Гартман Н. К основоположению онтологии / пер. с нем. Ю.В.Медведева; под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2003. 639 с. (Слово о сущем).

Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука; Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. 304 с.

Гаспаров М.Л. Избранные труды: [в 3 т.] Т. 3: О стихе: Ритмика. Рифма. Строфика. Вероятностная модель стиха. Блок. Пастернак. Маяков-

ский. Стихovedы-стихотворцы. М.: Языки рус. культуры, 1997. 603 с.

Деррида Ж. Эссе об имени / пер. с фр. М.; СПб.: Алетейя; Ин-т эксперим. социол., 1998. 190 с.

Ермолин Е. Твердь // Континент. 2004. № 2 (120). С. 377-390.

Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия [Сборник] / ред. Е.В.Петровская, А.Т.Иванов; предисл. М.Рыклина. М.: РИК «Культура», 1993. 208 с.

Жирмунский В.М. Введение в метрику. Теория стиха. Л.: Academia, 1925. 284 с.

Иванова Н.Б. Точка зрения: О прозе последних лет. М., 1988. 424 с.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 254 с.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / пер. с фр. Г.К.Косиков, Б.П.Нарумов. М.: РОССПЭН, 2004. 653 с.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950 – 1990 гг.: в 2 т.: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2006. Т. 2. 688 с.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 366 с.

Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / микроформа / пер. с фр. под ред. И.С.Вдовиной. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.

Немзер А.С. Замечательное десятилетие русской литературы. М., 2003. 608 с. (Сер. «Диалоги о культуре»).

Немзер А.С. Русская проза конца XX века: Дневник читателя / сост. и вступ. ст. С.И.Тиминой. М., 2002. 320 с.

Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в.: учеб. пособие для ВУЗов. Минск: Эконом-пресс, 1998. 231 с.

Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М.: Всес. кн. палата, 1977. 230 с.

Созина Е.К. Сознание и письмо в русской литературе. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 552 с.

Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н.Д.Тамарченко. 4-е изд., стер. М.: Изд. центр «Академия», 2004. Т. 1: Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 512 с.; Т. 2: Бройтман С.Н. Историческая поэтика. 368 с.

Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 826 с.

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. 432 с.; Т. 2: Язык и культура. 688 с. (Сер. «Язык. Семиотика. Культура»).

Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2009. 432 с.

Чупринин С. Жизнь по понятиям // Знамя. 2004. № 12. С.135–142.

RESEARCH STRATEGIES IN THE EARLY 21ST CENTURY Article one

Nina V. Gasheva

Reader of Russian Literature Department
Perm State University

Boris V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

The article examines the methods and methodology of the analysis of the literary text in the literary criticism and literary studies of the 1990s – 2000s. The possibilities of historical and typological, structure and semiotic and historical and functional methods are analysed, the requirements of modern research strategies are formulated. The authors suppose that the methods of research in the sphere of the contemporary personal poetic characteristics are vulnerable so they try to work out the means to overcome the contemporary methodological crisis. The article opens a cycle of works, devoted to the problems of contemporary literary studies.

Key words: research strategy; methodology; literary studies; literary process; poststructuralism.